

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080021322-1

ПРОЕКТ ПОКРОВСКОГО О ПОКОРЕНИИ КАВКАЗА
КАК ХАРАКТЕРНЫЙ ДОКУМЕНТ РОССИЙСКОЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА 1830-х гг.

© 2022

В.М. МУХАНОВ ^а

^а – Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7771-8350; vadim_muhanov@inbox.ru
Scopus Author ID: 57200442863; ID WoS: AAD-7912-2020

Резюме: В статье анализируется малоизвестный проект покорения Кавказа титулярного советника Покровского, который представляется для той эпохи – начала 1830-х гг. – характерным документом российской военно-политической мысли. Проект Покровского является одной из первых попыток создания логически связанного плана как покорения и умиротворения горцев, так и налаживания системной государственной деятельности в Закавказье. Выделяются ключевые положения данного проекта и сравниваются с более ранними документами подобной направленности (в частности, с идеями и предложениями П.Д. Цицианова, А.П. Ермолова и И.Ф. Паскевича). Рассматривается оценка автором проекта как факторов, препятствовавших реализации российской политики в регионе, так и тех факторов, которые способны привести к положительным результатам. Перечисляются предложенные Покровским реальные меры воздействия на горцев, в частности, отпуск соли, проведение водных каналов, ликвидация ханской власти. Разбирается по пунктам и потенциальная схема размещения российских войск и укреплений в регионе, выделяются основные места и точки. Оценивается и реалистичность других предложений Покровского, в частности, введение воинской повинности и учреждение отдельного войска из местных жителей. Отдельно рассматриваются мысли и предложения фельдмаршала Паскевича, проводится сравнение с предложенными мерами и шагами из документа за авторством Покровского. Делается попытка синхронизировать проект титулярного советника с другими подобными шагами российских властей, предпринятыми в указанный период.

Ключевые слова: Кавказ, Россия, Кавказская война, Покровский, Цицианов, Ермолов, Паскевич, Розен.

Для цитирования: Муханов В.М. Проект Покровского о покорении Кавказа как характерный документ российской военно-политической мысли начала 1830-х гг. *Восток (Oriens)*. 2022. № 4. С. 132–144. DOI: 10.31857/S086919080021322-1

POKROVSKY'S PROJECT ON THE CONQUEST OF THE CAUCASUS
AS A CHARACTERISTIC DOCUMENT OF RUSSIAN
MILITARY AND POLITICAL THOUGHT IN THE EARLY 1830s

© 2022

Vadim M. MUKHANOV ^a

^a – Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7771-8350; vadim_muhanov@inbox.ru
Scopus Author ID: 57200442863; ID WoS: AAD-7912-2020

Abstract: *The article analyzes the little-known project of the conquest of the Caucasus by the titular adviser Pokrovsky, which represented for that era – the beginning of 1830s – a characteristic document of Russian military-political thought. The Pokrovsky project is one of the first attempts to create a logically connected plan for the conquest and pacification of the highlanders, as well as the establishment of systemic state activities in the Transcaucasus. The key proposals of this project are highlighted and compared with earlier documents of a similar nature (in particular, with the ideas and proposals of P.D. Tsitsianov, A.P. Yermolov and I.F. Paskevich). The assessment by the author of the project of both the factors hindering the implementation of Russian policy in the region and those factors that can lead to positive results is considered. The real measures proposed by Pokrovsky to influence the highlanders are listed, in particular, the distribution of salt, the construction of water channels, the elimination of the khan's power. The potential layout of the deployment of Russian troops and fortifications in the region is also analyzed point by point, the main places and points are highlighted. Separately, the thoughts and proposals of Field Marshal Paskevich are considered, a comparison is made with the proposed measures and steps from the document authored by Pokrovsky. An attempt is made to synchronize the project of the titular adviser with other similar steps taken by the Russian authorities during the specified period.*

Keywords: Caucasus, Russia, Caucasian war, Pokrovsky, Tsitsianov, Yermolov, Paskevich, Rosen.

For citation: Mukhanov V.M. Pokrovsky's Project on the Conquest of the Caucasus as a Characteristic Document of Russian Military-Political Thought in the Early 1830s. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 4. Pp. 132–144. DOI: 10.31857/S086919080021322-1

С начала XIX столетия в России стала активно обсуждаться кавказская проблематика, напрямую связанная с решением Восточного вопроса. В частности, многие государственные и военные деятели империи, оказавшиеся перед свершившемся фактом присоединения Закавказья, а затем и формального включения Северного Кавказа, озаботились такими важными вопросами, как и какими способами можно покорить и умиротворить северокавказских горцев, наладить бесперебойные и, главное, безопасные коммуникации с только что присоединенными закавказскими царствами, княжествами и ханствами. Вслед за этим тут же возникли насущные для российской власти вопросы о выстраивании системы управления включенными в состав империи землями, об их социально-экономическом развитии, чтобы снизить серьезную нагрузку на казну в связи с их высокой дотационностью, и одновременно, повысить безопасность закавказских владений за счет привлечения местных кадров на русскую службу.

Все эти темы стали регулярно подниматься на совещаниях, а также в проектах и записках, подаваемых на Высочайшее имя. В 1827 г. вынужден был уехать с Кавказа А.П. Ермолов, начавший экономическое развитие Закавказья. Он оставил после себя и огромное количество бумаг со своими мнениями и мыслями по поводу покорения северокавказских горцев. Сохранились многие начинания князя П.Д. Цицианова, предложения А.А. Вельяминова и И.Ф. Паскевича.

При этом в 1820-е и в начале 1830-х гг. стали появляться и записки представителей среднего и низшего командно-административного звена. Они интересны и тем, что в период еще достаточно слабого знания региона, т.е. еще до системного изучения и глубинной разведки, пошли проекты, отражавшие, во многом, скорее чаяния и видение кавказской проблемы из имперской столицы – Петербурга, нежели базировавшиеся на качественном знании Кавказа и понимании реальной ситуации там.

Среди них выделяется проект титулярного советника Покровского «О легких и скорых к покорению Кавказско-горских народов и к приведению всего Грузинского края в цветущее состояние способами» (1831). Данный проект был опубликован [*Кавказ и Российская империя*, 2005, с. 48–59], однако публикация сделана с большим количеством ошибок и неточностей, а также с пропусками, что в значительной мере снижает ее ценность (к сожалению, ошибка вкралась даже в название проекта, не говоря уже о самом тексте). Вторая публикация этого интересного документа для закрепления в научном обороте верного и вычитанного варианта была предпринята автором данной статьи [*Проект*, 2015, с. 180–193].

* * *

По мнению Покровского, кавказская проблема возникла со времен присоединения «Грузинской области» к Российской империи (т.е. с 1801 г.). Основными факторами, препятствовавшими умиротворению и «приведению всего Грузинского края в цветущее состояние», являлись «необразованность» местных народов и постоянное внешнее давление как со стороны Персии и Турции, так из-за набегов горцев [*Проект*, 2015, с. 183]. Следствием этого стало постоянное напряжение сил государства в отношении защиты, выражавшееся в содержании большого количества войск (что отразилось в возникновении серьезной статьи расходов госбюджета). Плюс к этому, зафиксирована высокая смертность среди частей Отдельного Кавказского корпуса, что только усложняет ситуацию. Покровский особо подчеркнул громадные ежегодные затраты (в районе 24 млн рублей серебром) и огромные людские потери (около 6 тыс. в год).

Значительное содержание войск, т.е. ежегодные затраты, не идет ни в какое сравнение с теми небольшими доходами, которые дает Закавказье. Поэтому Покровский подводит нас к вполне понятному выводу: «приобретение сей новой области, не принося в настоящее время существенных польз, навлекает на государство одну напрасную и чрезвычайную потерю людей и финансов» [*Проект*, 2015, с. 183].

Важным обстоятельством представляется именно высокая смертность как среди российских войск, так и среди местного населения, которое подвержено частым эпидемиям. Покровский приводит далее весьма характерную для царских чиновников тогдашнего времени оценку северокавказских жителей как «горских хищников»: «Что касается до Горских жителей, то они даже за людей могут быть признаваемы по одному наружно подобию; образом же жизни и действиями едва отличаются от зверей <...> В таковом состоянии ума и сердца, при каждом удобном случае делают нападения то на прилегающие к ним мирные селения, то на проезжающих в Грузию и из оной, и не только расхищают их имущества, но и их самых увлекают за собою, и отводят в Персию и Турцию для продажи в неволю» [*Проект*, 2015, с. 184].

Отметим, что подобная, во многом хрестоматийная оценка дается не в газетной статье и не в открытой публицистике, а в конфиденциальной записке, отправленной в Военное министерство. Это лишний раз демонстрирует весьма слабое знание северокавказского региона и его жителей российской стороной в 1820-е гг.

Главным примером, приближающимся к идеалу, по мнению Покровского, является князь П.Д. Цицианов. Этот командующий с малыми силами и ограниченными средствами заложил основы российского управления и стабилизировал обстановку в регионе. В отличие от Цицианова, на других командующих, особенно на Ермолова, в период графа И.Ф. Паскевича ссылаться было не принято. Заметим, что даже такая эффективная мера воздействия на горцев, как продажа соли, приведена в проекте Покровского без всякой ссылки на опального тогда «проконсула Кавказа».

Более того, Покровский считает долгом подчеркнуть слабую подготовку предшественников нынешнего командующего¹. Покровский отмечает недостаток подготовки и слабое знание командующими местности, кавказских реалий и жизни в горах: «Но после сего доблестного мужа (имеется в виду Цицианов. – В.М.), каждый из Главнокомандующих по не имению ни о местных положениях гор, ни о характерах обитающих на них народов, надлежащих сведений, стали основывать свои действия главным образом или на представлениях переводчиков и агентов, избираемых в сии звания по большей части из тех же самых ордынцев, или на рассказах некоторых, признаваемых мирными горских владельцев, из которых первые, дабы представлять самих себя всегда необходимыми, и пользоваться от нашего правительства разными наградами, и от своих единоверцев интересом, сообщают одно то, что не может служить к их вреду, а последние, из опасения потерять свое владычество, также показывают свое усердие только наружно, в тайне же единомысленно с сильнейшими из орд всю внутренность гор, как общее их гнездо безопасности, стараются удерживать в независимости нашего Правительства, – словом те и другие делаемым им доверием, производят только, так сказать выгодный для себя торг. А посему все принимаемые к укрощению Горцев меры оказались и оказываются всегда неверными, военные экспедиции безуспешными: а хищники, в безумном упоении и надеянии, что они никогда не могут быть приведены в бессилие к сопротивлениям нашему оружию, продолжают до ныне свои нападения со всею дерзостью» [*Проект...*, 2015, с. 184–185].

Поэтому автор проекта, прежде чем переходить к рекомендациям, приходит к весьма неутешительному выводу: «Из всего сего ясно видно, что содержание в Грузии столь великого количества войск, в каком оно состояло и состоит, во-первых, сопряжено с ежегодною потерей и людей, и финансов на 24 млн. руб.; во-вторых, к утверждению там всегдашней тишины; есть средство недостаточное» [*Проект*, 2015, с. 185].

* * *

Первое направление, по которому необходимо двигаться, по мысли Покровского, есть создание сети крепостей или крупных укреплений на Северном Кавказе (с целью разрушить «между всеми горскими народами соединительную связь»)². В первую очередь, необходимо поставить укрепление в сел. Чиркей (Салатавия) и иметь с ним связь через земли Тарковского шамхальства. По оценке автора проекта, данный шаг закроет вопрос

¹ Напомним, что в 1831 г. командующим Отдельным Кавказским корпусом стал барон Г.В. Розен, сменивший на этом посту графа И.Ф. Паскевича, который был брошен на подавление Польского восстания, однако время написания проекта приходится именно на время правления Паскевича на Кавказе.

² Как объясняет Покровский, «тем самым привести их в такое ослабление, чтобы ни одна из оных не только не была в состоянии или сама собою делать нападения, или подавать пособие другой, но и не смела бы даже иметь к тому никаких помыслов» [*Проект*, 2015, с. 185].

с обществами и селениями, подвластными Эндери, а также с гумбетовцами и койсубулинцами, аварцами и мехтулинцами. Одновременно данная крепость станет плацдармом для занятия горного Андийского района. Само занятие селения Чиркей, находившегося в труднодоступной местности, титулярный советник предлагал произвести с помощью военной хитрости, воспользовавшись сезонностью скотоводческой деятельности горцев³.

В крепостях Чиркей и затем Анди следует установить двухтысячные гарнизоны. Анди, по словам Покровского, «составляет самое сердце гор», однако после занятия Чиркея «уже удобоприступно, и сверх того отстоит от Чиркея только на 3 солдатских перехода». Поэтому, по мнению автора проекта, «утверждение здесь военного укрепления повернет в совершенное бессилие не только Чеченцев, которые столь много причиняют вреда, и большую часть Аварцов, но и все прочие народы до самой военной дороги» [*Проект*, 2015, с. 185–186].

Следующее важное место для крепости – Казикумух (место пребывания Аслан-хана Казикумухского). По оценке Покровского, «учреждение в сем городе укрепления с нужным числом гарнизона обуздает Андаурцов, Джукларцев, Акушелинцев, слывающих под названием общая Даргуа, Каракайдагцев, Табасаранцев и многие другие мелкие партии до самых Джар и также до военной дороги. Сверх сего не осмелятся уже никогда чинить свои набеги ни Закубанские, и Кабардинские черкесы, которые в продолжении тридцати лет столь много причиняли государству зла, ни абазинцы».

Помимо постоянного военного присутствия в виде сети укреплений, Покровский призвал взять под контроль весь отпуск соли. Он советовал, во-первых, взять в казну соленые озера, «состоящие в распоряжении наследников покойного Шамхала Тарковского соляные озера, из коих находится одно в 15 верстах от селения Тарки, и другое на острове Уче», а, во-вторых, производить строго фиксированный отпуск соли (причем именно розничную продажу, т.е. продавать «не более необходимого для дома самого покупателя количества, дабы не могло происходить перепродажи к непокорным, как сие делалось при жизни сказанного Шамхала, и ныне делается»). По оценке Покровского, контроль над отпуском соли станет самым сильным ударом по непокорным горцам и их благосостоянию, т. к. в случае нехватки или отсутствия этого продукта пострадают и все стада⁴.

Еще одно сильное средство воздействия, по мнению чиновника, это проведение водных каналов для орошения степных участков и выращивания сена для горцев и войск из гарнизонов новых крепостей («работы могут быть произведены самими тамошними жителями»). Как считает автор проекта, все эти мероприятия «должны быть приведены в исполнение одним летом», что позволит сразу создать постоянную зависимость горцев. После постройки укреплений и устройств там гарнизонов необходимо создать центральную крепость, которую связать со всеми остальными – ей должен стать Хунзах, т.е. столица Аварского ханства [*Проект*, 2015, с. 186].

³ «Как же селение Чиркей оградила природа неизмеримою пропастью, идут туда возможен только по устроенному чрез оную мосту, который по всякой угрожающей Салатовцам опасности немедленно ими истребляется; то дабы не могли заметить делаемого на них направления, непременно должно употребить военную хитрость, то есть на первый раз занять только селение Темир-Хан-Шура, в приближении к Чиркей на один малый солдатский переход, и основав там запасный магазин, содержать некоторое время военный отряд в виде охраняющей казенное имущество стражи; самое же вступление в Салатовскую область предпринять в половине Апреля или в начале Октября, когда те жители со своими стадами находятся на низких пастбищных местах», – писал Покровский [*Проект*, 2015, с. 185].

⁴ Автор дает следующее важное пояснение: «почти все благосостояние горцев заключается в стадах овец, а сии не получая соляного корму подвергаются знойной коросте и в непродолжительное время все околевают; тот не может не согласиться, что одно лишение непокорных способа брать соль с прежнею свободою, принесет столько же много успехов в усмирении их, сколь мало принесли в том пользы все деланные военные экспедиции» [*Проект*, 2015, с. 186].

Подобный план создания сети укреплений в горах не являлся чем-то новым, он предлагался и Паскевичем, и некоторыми его предшественниками, однако выделялся своей нереалистичностью (из-за сроков и мест!). Создать укрепления и посадить туда крупные гарнизоны предполагалось за очень короткий срок и при стремительных, только успешных действиях русских войск.

Следующий шаг, который необходимо предпринять, это социальная реформа, которая должна коренным образом изменить структуру местного общества. Покровский предложил полностью ликвидировать феодальную верхушку в горах: «...тех Ханов и Князей, не изъемя из сего ни одного и из признаваемых ныне мирными, без всякого уже опасения из гор удалить и определить им из милосердия содержание, а Бекам, которые на сие достоинство имеют доказательства, представить право вступить в службу». Простых же жителей, выведя из этой зависимости, объявить «вольными государственными поселянами и учредя над ними Русское управление, одних наделить участками тех земель, кои удерживают у себя неправильно нынешние их владетели, а других, живущих в опасных ущельях и на голых утесах, особенно же Койсбойцев и Чеченцев, как самых вредных, свести на низовья по берегу Каспийского моря и другие удобные, как для хлебопашества, так и скотоводства места» [*Проект*, 2015, с. 187]. Разбавить местное население предлагалось поселением к ним по соседству линейных казаков и калмыков. Заклучая это предложение, Покровский пишет: «Сия благотворительная и единственная мера, во-первых, из неистовых и опасных дикарей обратит в кротких и благодарных новых сынов, каковым ныне под управлением своекорыстных их стадоводцев, как не имеющие у себя никакой собственности, быть и не умеют, и не смеют; во-вторых, всем находящимся в горах пленниками христианам доставит полную свободу возвратиться в прежние их места».

Второе направление общей деятельности заключалось, по мысли Покровского, в необходимости «доставить всем нациям полезно деятельную жизнь». Отметим, что задачи были поставлены весьма серьезные, но трудно достижимые: если учреждение грузинского национального войска и введение воинской обязанности в крае (наподобие казачьих повинностей, т.е. «чтобы неременная сия обязанность служения в мирное время ограничивалась охранением тишины и спокойствия в пределах одной сей области, а в военное и отражением неприятеля») можно признать в принципе осуществимыми, то скорый переход всей Грузинской области на самокупаемость (как сформулировал Покровский, «чтобы вся Грузинская область содержима была собственными силами и доходами без всяких на оную издержек из сумм входящих в государственный доход велико-русский губерний» [*Проект*, 2015, с. 188]) представляется задачей из разряда нереалистичных.

Войско должно состоять из «легких конных полков, подобных казачьих» (число полков не более 7, один из них должен быть включен в Гвардейский корпус и дислоцироваться в столице) и охватывать все кавказские народы («почему вступление в оный всем им вменить в неременную обязанность», советовал Покровский): грузины, имеретинцы, мингрелы, гурийцы, армяне, татары и северокавказские горцы, в число которых он включает осетин, лезгин, чеченцев, аварцев, ингушей, табасаранцев, кабардинцев, абазин, закубанских горцев и многих других. Все народности предлагалось распределить по полкам (по этнической или конфессиональной близости), дабы обезопасить командование от возможных конфликтов (1-й полк – Грузинский → грузины, имеретинцы и армяне; 2-й полк – Мингрельский → мингрелы, гурийцы; 3-й полк – Мусульманский → персы и татары; 4-й полк – Осетинский → осетины и ингуши; 5-й полк – Горский → чеченцы, аварцы, лезгинцы, табасаранцы и др.; 6-й полк – Черкесский → кабардинцы, закубанцы, абазинцы. В 4-й и 5-й полк предлагалось добавить по 50 ногайцев. 7-й полк – Грузинский Гвардейский → князья и дворяне из грузинских царств и княжеств. Последний полк по численности мог быть меньше –

в пределах 200 чел.) [Проект, 2015, С. 188–189]. Грузинский Гвардейский полк, по мысли Покровского, необходим был для подготовки офицерских кадров из местных уроженцев: «Существование Грузинского Гвардейского полка нужно на тот конец, чтобы люди имели в оном, так сказать, военную школу к укоренению себя во всех правилах службы, а из оного могли бы быть выпускаемы офицерами на вакансии в сказанные, или в другие конные по их желанию полки».

Еще один интересный момент – это выборы полковых командиров. «Что касается до избрания в командиры полков, то оное должно быть основываемо не столько на знатности породы, сколько на личных достоинствах и заслугах, доказанных неоднократно в военных действиях» [Проект, 2015, с. 189], – считал Покровский. При этом почетным атаманом или командующим всем войском (одновременно командиром Грузинского Гвардейского полка) рекомендовалось сделать одного из грузинских царевичей (т.е. представителя бывшего Царского дома!), это базировалось на былом его авторитете как среди грузин, так и среди горцев.

Для самокупаемости Грузинский, Мингрельский и Мусульманские полки должны содержаться благодаря денежным сборам в родных краях. Осетинский, Горский и Черкесские полки из-за возможной отдаленности от родных мест должны получать деньги на фураж, а остальные денежные выплаты предполагалось базировать на доходах, собираемых в крае, т.е. на податях. Покровский, в частности, предлагал: «Как обязанность Грузинского, Мингрельского и Мусульманского полков в мирное время будет состоять в одном хранении в местах их родины спокойствия и в отправлении некоторых легких дел службы, то и все содержание оных возложить на собственность их наций, с предоставлением им права сделать между собой соразмерную всей надобности денежную раскладку, или как найдут для сего удобнее и выгоднее содержать. ...Осетинскому же, Горскому и Черкесскому полкам, которые хотя всех чинов без сомнения будут иметь от состоятельнейших семейств, но по отдалению от своих мест, неминуемо должны подвергаться большим против других национальных полков нуждам, производить жалованье и на лошадей фураж; а дабы потребные для сего денежные суммы не могли увеличивать податей, собираемых с мирных Грузинской области жителей, учредить особенный артикул горских доходов, в который определить: а) все суммы, какие выручены будут от предполагаемой продажи соли из заведываемых ныне наследниками шамхала Тарковского озер; б) сбор со всех летних и зимних пастбищных мест, коими ныне не правильно пользуются частные люди; в) сбор пошлин за провоз товаров по разным местам, которые также неправильно собираются в пользу горских владельцев; и д) с каждого дома или целого семейства всех Горских племен, взимать по одному рублю серебром в год, так как без сего, значило бы повергнуть обязанность участвовать в общей пользе одних тех, кои будут находиться на службе в полках» [Проект, 2015, с. 190].

Срок службы нижних чинов в новых полках предполагался на уровне 3 лет. При этом Покровский задумывался и над вопросом преемственности (в рамках пополнения новых частей): штаб- и обер-офицеры получают преимущественные права отдавать своих детей «в те же самые полки, где будут служить сами».

Таким образом, титулярный советник Покровский попытался создать проект, направленный на снижение государственных расходов на содержание края и его безопасность, с одновременным решением вопросов его самокупаемости и занятости местного населения (т.е., по словам самого автора, закрепит «сей край центром торговых сношений с Оттоманскою Портою, Персиею и Индию, обретет в сем источнике сокровищницу, откуда потечет новая струя богатств») [Проект, 2015, с. 191].

* * *

Интересно, но отправка данного проекта в Петербург стала одним из первых шагов в длительном процессе выработки единой линии в отношении управления Кавказским краем и покорения горских народов. Как раз в этот период началось системное изучение Кавказа на государственном уровне. Как отмечает современный историк Т.А. Колосовская, «российское правительство понимало, что без точного представления о географии расселения местных народов, о их быте, обычаях и образе жизни невозможно проведение эффективной политики, основанной не только на военных экспедициях, но и на поиске мирных способов сближения с горцами» [Колосовская, 2017, с. 165]. В 1830 г. Главному штабу было поручено заняться составлением подробного описания горских народов Кавказа (тогда непосредственным исполнителем стал полковник В.Е. Галямин) [*Проект программы описания горских народов*, 2015, с. 173]. Последний смог составить программу описания, которая так и не была реализована на практике, но, как подчеркивает Т.А. Колосовская, «предложенные Галяминым подходы к составлению обобщающих описаний горских народов в дальнейшем нашли свое развитие в труде И.Ф. Бларамберга и в других военно-статистических обзорах Кавказского края, разрабатываемых офицерами Генерального штаба по заданию Военного министерства» [*Проект программы описания горских народов*, 2015, с. 175].

Показательно, что в одном из отношений начала 1830-х гг. управляющий Военным министерством граф А.И. Чернышев написал тогдашнему командиру Отдельного Кавказского корпуса барону Г.В. Розену, что император Николай I «вполне соглашаясь с мнением вашим, м. г., о необходимости иметь в виду общую цель относительно управления краем Кавказским для соглашения с оною всех предприятий и распоряжений, находить соизволит, что цель сия в смысле пространном существует издавна и сама собою определяется занятием и овладением этого края; она заключается в приобретении границ безопасных со стороны азиатских соседей наших, с тем и средств к большему развитию народной торговли и промышленности. Перенесением рубежа нашего на берег Аракса и признанным по последующему с Портою мирному договору, владычеством России над Абхазией и всеми горскими народами положено основание для достижения того и другого, и за сим все частные распоряжения относительно того края принимаемые, должны клониться к упрочнению приобретенных выгод, посредством усмирения полудиких племен Кавказа, постепенного введения между ними, так и вообще во всем Кавказском крае гражданского устройства, раскрытия всех источников, промышленности и торговли для обоюдной пользы вновь приобретенных земель и собственно империи так, чтобы со временем первая связывалась с последнею взаимными выгодами и нуждами, представляли единое целое без всяких следов насильственного присоединения» [*Документальная история*, 1998, с. 481]. Нетрудно заметить, что проект Покровского написан в подобном ключе, поэтому и удостоился такого внимания в Петербурге.

Показательно, что и авторитетный предшественник барона Розена граф Паскевич как раз на рубеже 1830-х гг. был озадачен императором вопросом составления плана покорения кавказских горцев. В письме, отправленном своему новоиспеченному фельдмаршалу (по итогам победоносной войны с Турцией и в ответ на известие о подписании Адрианопольского мирного договора 2 сентября 1829 г.)⁵, Николай I четко ставит ему новую задачу: «Кончив таким образом одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз, гораздо важнейшее, – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных. Дело сие не требует немедленного приближения, но решительного и зрелого исполнения, когда получу от вас план ваш, которому следуя надеетесь исполнить мое ожидание» [*Движение горцев Северо-Восточного Кавказа*, 1959, с. 59].

⁵ Письмо датировано 29 сентября 1829 г.

Последний хотел, чтобы Паскевич незамедлительно открыл «военные действия против неприязненных нам горских племен», «дабы в течение нынешнего лета и осени можно было успеть привести в исполнение весь предложенный план покорения горцев» [*Кавказский вектор*, 2014, с. 455]. Паскевич в ответ обратил внимание на трудность выполнения поставленной задачи за короткий период, ссылаясь на «известную воинственность горцев, местность удобную к упорнейшей обороне и прочие войны сей обстоятельства», плюс, необходимость ожидания прибытия войск, задействованных в военных действиях против Турции [*Кавказский вектор*, 2014, с. 455, 456].

Свою позицию относительно способов покорения горцев граф И.Ф. Паскевич-Эриванский подробно изложил в рапорте императору (от 6 мая 1830 г.). Фельдмаршал обратил внимание на то обстоятельство, что опираться на нашу предыдущую политическую линию в отношении горцев не стоит: «Чем больше делаю я наблюдений и вхожу в познание сих народов, тем более удостоверяюсь, что направление политики и отношения наших к ним были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил. Жестокость в частности умножала ненависть и возбуждала к мщению; недостаток твердости и нерешительность в общем плане обнаруживали слабость и недостаток силы» [*Кавказский вектор*, 2014, с. 456].

В результате граф Паскевич предложил два общих плана (без детализации!). Причем первый из них носил чисто умозрительный характер и вряд ли мог быть применен на практике. Он представлял собой результат простой игры с картой Кавказа: новоиспеченный фельдмаршал предложил собрать все силы и пройти горы насквозь, преследуя противника в любом месте (невзирая на труднодоступную местность, отсутствие коммуникаций и гарантированных пунктов снабжения, т.е. с огромными рисками как для войск, так и для их снабжения как боеприпасами, так и провиантом). Взамен российская сторона могла надеяться на сожжение жилищ и уход горцев с постоянных мест проживания, т.е. цель – установление контроля над регионом – явно не достигалась. Паскевич, несмотря на фантастический план, весьма реалистично смотрел на результат, поэтому не гарантировал успех, а прогнозировал сильное утомление войск, потери и общее фиаско⁶.

Вероятно, что он специально предложил столь непривлекательный первый план для того, чтобы получить поддержку второго, понимая, что первый не будет даже рассматриваться всерьез, по сравнению со вторым (который, кстати, тоже носит характер наброска). По его мысли, необходимо занятие ключевых «господствующих над окрестными странами пунктов» и превращение их в укрепления с постоянными гарнизонами. Одновременно они станут опорными пунктами для проведения экспедиций – «сборные места войскам», по словам Паскевича [*Кавказский вектор*, 2014, с. 457]. Как можно заметить, во втором плане делался упор на постепенное проникновение вглубь гор: «подаваясь вперед с осмотрительностью и покоряя одну область после другой, завоевание горцев будет, хотя медленнее, но вернее и благонадежнее». Хотя и здесь предлагался понятный и простой ориентир: подход войск с театра войны с Турцией, с одновременной постройкой укреплений.

Отметим, что второй план носил традиционную для тогдашнего военного искусства мысль о контроле над нужной территорией с помощью поставленных в ключевых местах укреплениях или крепостях. Никаких неординарных предложений в планах Паскевича не прозвучало, скорее они напоминали отписки для Петербурга, чтобы дать ему свободу действий и маневра с выделенными ему войсками. Он явно собирался действовать по обстановке, о чем и оговорился в конце своего рапорта императору: «На будущее время по-

⁶ Резюмируя план, граф писал: «В такой войне, гоняясь за бегущим и скрывающимся неприятелем, не может быть большой потери убитыми и ранеными; но могут войска утомиться и, не имея твердых пунктов соединения, ни коммуникаций верных, должны будут, наконец, возвратиться без успеха» [*Кавказский вектор*, 2014, с. 457].

лагаю пользоваться обеими сими планами в совокупности, смотря по обстоятельствам, т.е. будут экспедиции, которые пройдут горы в различных направлениях, сколько возможность сие дозволит, дабы сделать сильнейшее влияние на сих горных жителей, и постараюсь подвинуть линию укреплений далее в Чечню. Когда успею построить там укрепление, тогда можно надеяться, что покорение чеченцев также совершится, как и джарских лезгин» [*Кавказский вектор*, 2014, с. 457].

Заметим, что видение Паскевича и его планы во многом поддерживаются и проектом Покровского. Более того, отдельные мысли фельдмаршала просто конкретизируются под пером титулярного советника. В первую очередь, идея о том, что сеть крепостей сможет стать надежной гарантией российского контроля над ситуацией в регионе и местными народами. Помимо этого, повторяются и некоторые здравые идеи предшественников Паскевича – Ермолова и Цицианова. В частности, Покровский считал крайне действенной мерой воздействие социально-экономического характера – это ограничение продажи соли и даже ее временный запрет горцам. Напомним, что подобная мера предлагалась и использовалась А.П. Ермоловым. Идея же обустройства закавказских земель и снижения их дотационности неоднократно озвучивалась П.Д. Цициановым, в том числе и в вопросе повышения доходности земель и усиления их безопасности за счет привлечения местного населения к защите границ от нападений соседей, в первую очередь, от горских набегов.

* * *

Таким образом, проект Покровского является характерным документом начального этапа системного изучения Кавказа и профессионального знакомства с ним. Как раз о подобной творческой активности чиновников и военных деятелей в начале 1830-х гг. упоминает и блистательный знаток Кавказа Ф.Ф. Торнау. В своих воспоминаниях он, в частности, предлагал обратить любому интересующемуся историей присоединения Северного Кавказа внимание на «проекты о покорении Кавказа; в этих проектах он найдет не только много любопытных, но и очень много забавных идей. Одно время, в начале тридцатых годов, наше военное министерство засыпало подобного рода проектами – и кто их не писал, и чего в них не писалось! Министерство, не давая себе труда разбирать, препровождало рукописи в Тифлис на рассмотрение и требовало ответа. От корпусного командира они поступали в генеральный штаб, и многие из них проходили через мои руки. Предлагали действовать против горцев, продвигаясь не с равнины к горам, а с гор к ровным местам; строить крепости на хребтах и наблюдательные посты на горных шпилях; рвать горы порохом; против хищников растягивать проволоочные сети по берегам Терека и Кубани. Мирным путем советовали их усмирять: торговлею, водворением между ними роскоши, пьянства – должно быть предлагал откупщик – и наконец музыкой, посредством заведения у горцев музыкальных школ. Этот последний проект, начинавшийся словами: «в глубокой древности уже было известно, что музыка, производя приятное впечатление на слух, смягчает человеческие нравы, и т. д.» – был написан каким-то коллежским советником в Петербурге и прислан к нам на обсуждение в начале 1832 года. Не считаю нужным прописывать судьбу каждого из этих проектов; после кроткого отрицательного ответа, его укладывали в архивную пропасть на изучение мышам и бумаготочивым насекомым...» [Торнау, 2002, с.191–192].

Его поддерживает и один из главных «летописцев» Кавказской войны В.А. Потто: «Нужно сказать, что это было время всевозможных проектов. Военное министерство было засыпано тракатами, в которых было много любопытных, а еще более странных идей, показывавших только усердие, но никак не знакомство с Кавказом всех этих составителей планов. Предлагалось, например, действовать против горцев, подвигаясь не с равнины к горам, а напротив, с гор к плоскостям, строить крепости на хребтах, а наблюдательные посты на

горных шпилях, рвать самые горы порохом, а против хищников растягивать проволочные сети по берегам Кубани и Терека. Советовали покорять горцев не оружием, а культурой во всем ее широком объеме, то есть просвещением, торговлей, водворением среди народа роскоши и даже пьянства. Были предложения учредить в Анапе лицей или кадетский корпус, в котором воспитывались бы черкесские юноши вместе с детьми черноморских казаков, полагая, что общность воспитания родит дружеские связи, которые не замедлят отразиться в будущем и на дружеском согласии обоих народов. В подкрепление этой мысли приводился даже обычай аталычества, преподавался совет, чтобы в этом заведении русский священник, поставленный рядом с муллой, из-под руки внушал бы мусульманским детям понятия о превосходстве христианской веры и тому подобное. Некоторые шли еще дальше и предлагали прежде всего озаботиться смягчением нравов, посредством заведения о горцев музыкальных школ» [Потто, 1994, с. 5–6].

Показательно, что Покровский так и не появился в российской администрации на Кавказе, и вообще дальнейшая судьба его неизвестна. В сопроводительном же проекту Покровского письма Чернышева подчеркивалась секретность проекта, и одновременно запрашивалось отношение командующего (т. к. в случае необходимости военный министр обещал вытребовать Покровского в распоряжении Розена для дальнейшего прохождения службы именно на Кавказе, однако факта появления титулярного советника в составе региональной администрации не выявлено). Этот проект потонул в кипах делопроизводственной переписки Тифлиса и Петербурга в 1830-е гг. (а со временем отложился в личном фонде барона Г.В. Розена в ОПИ ГИМ)⁷.

Однако стоит отметить, что многие его предложения и мысли являются хрестоматийными, т. к. они перекочевывали из одного проекта в другой и оказали свое влияние на развитие российской военно-политической мысли в отношении кавказской проблематики. Отголоски его предложений мы можем встретить в документах 1840-х и 1850-х гг., когда дискуссия вокруг способов и путей покорения Кавказа вышла на гораздо более качественный уровень.

Подчеркнем, что проект Покровского был создан в период первоначального узнавания Кавказа, до того, как пошло системное знакомство с регионом, до поездок туда военных разведчиков и топографов, таких как Ф.Ф. Торнау и И.Ф. Бларамберг. Показательно, что последний как раз в это время начинал свое пребывание на Кавказе, и только намеревался собирать материалы о регионе и его народах. В 1832 г. он начал официально составлять описание кавказских народов, базируясь, в том числе, и на программе полковника Галямина, полученной им от генерал-квартирмейстера генерала-лейтенанта А.И. Нейдгардта [Бларамберг, 2005, с. 9–10]. Еще почти десятилетие было до появления на Кавказе Д.А. Милютина, оставившего много заметок и своих мыслей по поводу способов покорения Кавказа, ряд которых был реализован уже во второй половине 1850-х гг., в завершающий период Кавказской войны.

Таким образом, проект Покровского можно признать характерным документом эпохи начального изучения и системного ознакомления с Кавказом, когда предложения и положение дел описывались скорее по ощущениям и скудным данным, полученным зачастую из третьих рук, даже по домыслам, чем на основании фактического знания региона, которое пришлось только позднее, спустя десятилетие, если не позднее. Он лишний раз демонстрирует, что в начале затяжной Кавказской войны Петербург еще слабо представлял и регион, и его особенности, как действовать там и успешно бороться с горцами, которых еще не возглавил и не объединил Шамиль (ставший имамом Чечни и Дагестана в 1834 г.). Незнание

⁷ Данный проект, как и многие другие бумаги того времени, отложился в личном фонде барона Г.В. Розена [ОПИ ГИМ, ф. 6, л. 53, «Кавказ». Книга в переплете № 5, л. 841–856об], откуда и был извлечен автором статьи и опубликован.

привело к серьезным поражениям русских войск в 1830-е и 1840-е гг. и росту могущества имама Шамиля, превратившегося в главного противника России именно во 2-й половине 1830-х гг. Тем не менее проект Покровского представляется одной из первых попыток как создания какого-то логически связанного плана покорения и умиротворения горцев, так и налаживания системной деятельности в Закавказье. Причем он может быть охарактеризован как инициативный документ, написанный неизвестным чиновником, не оставившим своего следа в русской администрации на Кавказе. Отметим, что приобретение русским командованием в 1830–1850-е гг. качественно иного знания северокавказских реалий, традиций и быта горцев приблизило завершение длительной и кровопролитной Кавказской войны.

СОКРАЩЕНИЯ/ABBREVIATIONS

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного Исторического музея [Department of the Written Sources of the State Historical Museum]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бларамберг И. *Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа*. М.: Надыршин, 2005 [Blaramberg I. *Historical, topographic, Statistical, Ethnographic And Military Description of the Caucasus*. Moscow: Nadyrshin, 2005 (in Russian)].

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-е – 50-е гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959 [The Movement of the Highlanders of the North-Eastern Caucasus in the 20s - 50s. 19th Century Collection of Documents. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1959 (in Russian)].

Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М., Норма, 1998 [Documentary History of the Formation of the Multinational State of Russia. Book 1. Russia and the North Caucasus in the 16th–19th Centuries. Moscow: Norma, 1998 (in Russian)].

Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Звезда, 2005 [The Caucasus and Russian Empire: Projects, Ideas, Illusions and Reality. Early 19th – early 20th centuries. St. Petersburg: Zvezda, 2005 (in Russian)].

Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. М.: Объединенная редакция МВД России, 2014 [The Caucasian Vector of Russian Politics. Collection of Documents. Vol. II. Book 2. 1796–1864. Moscow: United Edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014 (in Russian)].

Колосовская Т.А. О составлении описания горских народов в начале 1830-х годов: к проблеме истории этнографического изучения Кавказа. *Этнографическое обозрение*. 2017. № 4. С. 164–173 [Kolosovskaya T.A. On Compiling a Description of the Mountain Peoples in the Early 1830s: on the Problem of the History of Ethnographic Study of the Caucasus. *Ethnographic Review*. 2017. No. 4. Pp. 164–173 (in Russian)].

Потто В.А. *Кавказская война*. Т. 5. Ставрополь: Кавказский край, 1994 [Potto V.A. *Caucasian War*. Vol. 5. Stavropol: Kavkazskii krai, 1994 (in Russian)].

Проект программы описания горских народов полковника В.Е. Галямина (Публикация и комментарии Т.А. Колосовской). *Кавказский сборник*. Т. 9 (41). Под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2015. С. 172–179 [Draft Program for Describing the Mountain Peoples of Colonel V.E. Galyamina (Publication and Comments by T.A. Kolosovskaya). *Caucasian Collection*. Vol. 9 (41). Ed. by V.V. Degoev. Moscow: Russkaia Panorama, 2015. Pp. 172–179 (in Russian)].

Проект титулярного советника Покровского «О легких и скорых к покорению Кавказско-горских народов и к приведению всего Грузинского края в цветущее состояние способами» (1831) (Публикация и комментарии В.М. Муханова). *Кавказский сборник*. Т. 9 (41). Под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2015. С. 180–193 [The Project by the Titular Adviser Pokrovsky “On Easy and Quick Ways to Conquer the Caucasus-mountain Peoples and to Bring the Entire Georgian Region into a Flourishing State” (1831) (Publication and Comments by V.M. Mukhanov). *Caucasian Collection*. Vol. 9 (41). Ed. by V.V. Degoev. Moscow: Russkaia Panorama, 2015. Pp. 180–193 (in Russian)].

Торнау Ф.Ф. *Воспоминания русского офицера*. М.: АИРО-XX, 2002 [Thornau F.F. *Memoirs of a Russian Officer*. Moscow: AIRO-XX, 2002 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МУХАНОВ Вадим Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий Сектором Кавказа Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва, Россия.

Vadim M. MUKHANOV, PhD (History), Head of the Sector for the Caucasus, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.